

УДК 347.13

Батырова Тамила Крымхановна, студентка 2 курса факультета подготовки кадров для судебной системы Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», г. Симферополь, Россия

e-mail: batyrovatamila14@gmail.com

Научный руководитель: Шигонина Людмила Александровна, старший преподаватель кафедры гражданского права «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева» г. Симферополь, Россия

e-mail: shigoninal@mail.ru

АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу признания недействительности сделок в российском гражданском праве. Раскрыты правовая природа, основания и классификация недействительных сделок, а также их последствия. Рассматриваются различия между ничтожными и оспоримыми сделками и проблемы, возникающие при их правоприменении. Обоснована необходимость уточнения законодательных норм и выработки единых подходов к реституции и защите прав третьих лиц. Работа основана на законодательстве, судебной практике и научных источниках.

Ключевые слова: сделка, недействительность, ничтожность, оспоримость, реституция, судебная практика, гражданское право.

Bayurova Tamila Kryumhanovna, a 2nd-year student at the Crimean Branch of the Lebedev Russian State Pedagogical University, Simferopol, Russia

e-mail: batyrovatamila14@gmail.com

Scientific supervisor: Lyudmila Alexandrovna Shigonina, Senior Lecturer at

the Department of Civil Law, Lebedev Russian State University of Justice,
Simferopol, Russia

e-mail: shigoninal@mail.ru

ANALYSIS OF THE LEGAL NATURE OF THE INVALIDATION OF THE TRANSACTION: THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS

Abstract. The article analyzes the invalidation of transactions in Russian civil law. It outlines the legal nature, grounds, and classification of invalid transactions, as well as their legal consequences. The study compares void and voidable transactions and highlights practical challenges. It justifies the need for legislative clarification and unified restitution mechanisms. The research is based on legal acts, court practice, and academic sources.

Keywords: transaction, invalidity, nullity, voidable, restitution, case law, civil law.

Институт недействительности сделок занимает одно из центральных мест в системе гражданского права Российской Федерации, поскольку напрямую связан с обеспечением устойчивости гражданского оборота, защитой законных интересов его участников и восстановлением нарушенного правопорядка. Правоотношения, возникающие в связи с признанием сделок недействительными, включают в себя сложный комплекс правовых, фактических и процессуальных аспектов, требующих внимательного и взвешенного подхода как со стороны правоприменителей, так и со стороны научного сообщества.

С развитием экономических процессов и усложнением частноправовых форм взаимодействия существенно возросло количество судебных споров, связанных с оспариванием сделок. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год, арбитражными судами было рассмотрено 3 642 дела по искам о признании договоров недействительными, из которых

1 822 иска (50 %) были удовлетворены. Общая сумма требований по этим делам составила 1,7 млрд рублей, при средней сумме иска около 936 тыс. рублей. В сфере корпоративных споров за тот же период было рассмотрено 774 дела о признании сделок, совершённых юридическими лицами, недействительными, из которых удовлетворено 200 исков (25 %). Средняя сумма иска в этой категории составила 8,7 млн рублей. Кроме того, в 2024 году в судах общей юрисдикции было рассмотрено 1 469 дел о признании завещаний недействительными, из которых удовлетворено 371 иск (25 %) [12].

Данные свидетельствуют о значительном количестве споров, связанных с признанием сделок недействительными, и подчёркивают актуальность данной темы в судебной практике.

Это обусловлено не только многообразием ситуаций, в которых могут быть допущены нарушения условий действительности сделки, но и пробелами в законодательной регламентации, неоднозначностью толкования правовых норм, а также недостаточной правовой культурой участников гражданского оборота. При этом именно корректная квалификация сделки как ничтожной или оспоримой, определение момента наступления последствий её недействительности и правильное применение реституционных механизмов позволяют обеспечить баланс частных и публичных интересов.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) формально закрепляет деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, однако юридическая природа этих категорий остаётся предметом научной дискуссии. Отсутствие легального определения недействительной сделки, а также существование противоречий между доктринальными подходами к понятию правомерности и правонарушения, лежащих в основе таких сделок, создают препятствия для их единообразного правоприменения. Например, одни исследователи рассматривают недействительную сделку как юридический факт, лишённый правовых последствий в силу нарушения формальных требований, тогда как другие интерпретируют её как неправомерное действие, влекущее специфические юридические санкции [9, с. 34–35].

Кроме того, значительную сложность представляет определение критериев разграничения между сделками, нарушающими закон, но сохраняющими юридическую силу до момента их оспаривания, и сделками, изначально не способными породить правовых последствий. Особое внимание заслуживает анализ реституции как ключевого последствия недействительности, включая случаи ограничения или исключения возврата, полученного по сделке. Судебная практика показывает, что применение таких последствий может варьироваться в зависимости от обстоятельств дела, что требует глубокого понимания не только буквы закона, но и его духа.

Так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2024 г. № 305-ЭС23-12650(2) по делу № А40-206177/2021 рассматривался спор о признании недействительным договора купли-продажи автомобиля BMW X5 между ООО «Проектсервис» и гражданином Р. Суды первой и апелляционной инстанций признали сделку недействительной и применили двустороннюю реституцию, обязав ответчика возвратить автомобиль в конкурсную массу. Однако кассационная инстанция отменила постановление апелляционного суда в части применения последствий недействительности сделки и направила дело на новое рассмотрение, указав на необходимость учёта процедуры банкротства в отношении ответчика, что исключает удовлетворение реституционного требования в виде возврата имущества в натуре, поскольку такое требование трансформировалось в денежное. Верховный Суд отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения, подтвердив правомерность выводов суда округа. Этот пример подчёркивает сложность применения реституции в рамках процедур банкротства и необходимость тщательной оценки обстоятельств дела при определении последствий недействительности сделок [6].

Представленное исследование направлено на системный анализ правовой природы недействительных сделок, оснований и процедуры их признания, а также последствий, наступающих после признания сделки недействительной. Акцент будет сделан на выявлении теоретических противоречий, трудностей

правоприменения и возможных направлений совершенствования действующего законодательства.

Недействительная сделка представляет собой правовую аномалию, возникающую в случае, когда волеизъявление одной или нескольких сторон формально выражено, но нарушает обязательные условия, установленные законодательством. В рамках российского гражданского права сделка признаётся недействительной либо в силу прямого указания закона, либо по решению суда, если выявляется один из дефектов, затрагивающих субъектный состав, содержание, форму или волю сторон. Указанное деление образует два базовых типа недействительности: ничтожные и оспоримые сделки, различие между которыми не только формально-процессуальное, но и концептуально-содержательное.

Ничтожной считается сделка, юридическая сила которой отсутствует с момента её заключения. Примером может служить сделка, совершённая лицом, признанным судом недееспособным вследствие психического расстройства. Независимо от осведомлённости другой стороны, такая сделка не создаёт правовых последствий, кроме тех, которые прямо вытекают из факта её ничтожности. Согласно действующей редакции статьи 168 ГК РФ, сделка, нарушающая императивные нормы, по общему правилу признаётся оспоримой, за исключением случаев, когда она одновременно посягает на публичные интересы или интересы третьих лиц. В этом случае она приобретает статус ничтожной, что позволяет задействовать механизм двусторонней реституции без обязательного судебного признания [1, с. 65–68].

Оспоримая сделка, напротив, сохраняет юридическую силу до момента её аннулирования. Она предполагает наличие формального соответствия правовым требованиям, но в последующем может быть признана недействительной, если обнаружатся скрытые дефекты воли, например, при наличии обмана, насилия, угрозы, заблуждения или кабальных условий. Право на обращение в суд принадлежит строго ограниченному кругу лиц, чьи интересы были нарушены. Последствия наступают с момента судебного

решения, а не ретроспективно, что принципиально влияет на защиту прав третьих лиц, действовавших добросовестно [8, с. 385–391].

Особого внимания заслуживает проблема доказывания субъективной стороны при оспаривании сделки как кабальной. Существенные трудности возникают при необходимости установить, находилось ли лицо в крайне неблагоприятных для себя условиях и осознавала ли другая сторона это обстоятельство. В отличие от формальных пороков сделки, здесь требуется подтверждение совокупности факторов: тяжёлого положения, крайне невыгодных условий и извлечения выгоды контрагентом. Часто для обоснования подобной позиции прибегают к комплексной экспертизе, включая психолого-психиатрическую, а при невозможности допроса участника — к посмертной судебной оценке. Проблема усугубляется тем, что внутреннее состояние лица в момент заключения сделки не поддаётся прямому объективному анализу, а субъективное восприятие обстоятельств может быть искажено временем или интересами сторон. Это обстоятельство обуславливает вариативность подходов в судебной практике и повышает значимость детального анализа фактических данных и экономических последствий заключённой сделки [2, с. 619–624].

В юридической литературе неоднократно подчёркивается, что концепция недействительной сделки находится на границе между правомерным действием и правонарушением. В то время как одни исследователи отождествляют недействительность с дефектом юридического факта, другие склонны видеть в ней форму гражданско-правового деликта, обладающего санкционной природой. Например, М.М. Агарков считал, что нельзя называть сделкой юридически ничтожное волеизъявление, не имеющее правового значения. Более современные интерпретации допускают возможность существования «неправомерной сделки» как юридической фикции, необходимой для применения защитных механизмов, таких как реституция, компенсация убытков, отказ в защите права [9, с. 34–35].

Анализ судебной практики, представленной в «Обзоре судебной практики

Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2021)», подтверждает важность правильной квалификации сделок как ничтожных или оспоримых. В частности, Верховный Суд разъяснил, что при рассмотрении споров о признании сделок недействительными необходимо учитывать характер нарушений, допущенных при их заключении, и их влияние на права и законные интересы сторон и третьих лиц. Это подчёркивает необходимость точного разграничения между ничтожными и оспоримыми сделками для обеспечения правовой определённости и защиты участников гражданского оборота [4].

Правоприменительная практика наглядно демонстрирует, что наиболее частыми основаниями признания сделок недействительными остаются: нарушение публичных интересов при отчуждении недвижимости, сделки с участием недееспособных, притворные договоры, искажение воли под влиянием обмана. Особую сложность вызывают случаи, где правомерность или добросовестность одной из сторон вызывает сомнение, но доказательства остаются неполными. В этих случаях суды проявляют осторожность, чтобы не легитимизировать недобросовестные попытки аннулировать ранее добровольно заключённые договоры [10, с. 55–56].

Вопрос о добросовестности сторон приобретает особую значимость при рассмотрении споров о недействительности сделок. Согласно пункту 70 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если лицо, ссылающееся на недействительность, действует недобросовестно, особенно если его поведение после заключения сделки давало основания другим лицам полагаться на её действительность. Это разъяснение подчёркивает необходимость оценки поведения сторон не только на момент заключения сделки, но и в последующий период, что способствует обеспечению стабильности гражданского оборота и защите прав добросовестных участников [11].

Судебная практика свидетельствует о том, что признание сделок недействительными и применение последствий такой недействительности

часто сопряжены с необходимостью глубокого анализа фактических обстоятельств дела. Особенно это касается споров, возникающих в процедурах банкротства, где значительная часть сделок оспаривается по основаниям отсутствия встречного предоставления, притворности или кабальности.

Так, в Определении Верховного Суда РФ от 11 марта 2024 г. № 305-ЭС24-993 по делу № А40-190148/2021 рассматривался иск конкурсного управляющего ООО «НК Фильм Сервис» о признании недействительными переводов денежных средств с расчётного счёта должника под видом «возврата займа». Суды первой и апелляционной инстанций признали сделки недействительными, усмотрев признаки отсутствия фактической задолженности, и обязали получателя вернуть более 4 млн рублей в конкурсную массу. Верховный Суд РФ поддержал выводы нижестоящих инстанций, отказав в передаче кассационной жалобы. Данное решение подчёркивает значимость экономической обоснованности сделок и необходимости оценки реального исполнения обязательств между сторонами. [5].

Не менее показательным и Определением Верховного Суда РФ от 19 декабря 2024 г. № 306-ЭС24-6321 по делу № А49-842/2022, в рамках которого администрация муниципального образования и хозяйствующее общество обратились с иском о признании недействительным договора купли-продажи недвижимого имущества. Аргументом истцов послужило предположение о сговоре между продавцом и покупателем, а также тот факт, что отчуждённый объект представлял собой единственный актив предприятия и впоследствии был передан обратно в аренду. Несмотря на отказ в иске в нижестоящих судах, Верховный Суд РФ указал на необходимость более тщательной правовой оценки обстоятельств заключения сделки и возможного злоупотребления правом, направив дело на новое рассмотрение. Эта позиция акцентирует важность анализа не только формальных признаков сделки, но и её экономического содержания и добросовестности сторон [7].

Оба дела иллюстрируют, что подход судов к применению норм о

недействительности сделок строится не только на буквальном толковании норм права, но и на обстоятельствах, связанных с экономическим смыслом отношений сторон, их поведением до и после совершения сделки, а также последствиями, которые возникают для третьих лиц и публичных интересов.

Применение последствий недействительности сделки представляет собой ключевую стадию в процессе правовой коррекции. Основной формой последствий выступает реституция, которая может быть как двусторонней, так и односторонней. При двусторонней реституции каждая из сторон обязана вернуть полученное по сделке. Однако в случае, если одна из сторон действовала злонамеренно, может быть применена только односторонняя реституция либо вовсе исключена возможность возврата, а имущество подлежит обращению в доход государства. Эта мера носит не только восстановительный, но и карательно-предупредительный характер [3, с. 76–78].

Сложность применения последствий усугубляется в тех случаях, когда невозможно вернуть полученное в натуре — например, при предоставлении услуг или при передаче потреблённых благ. В таких ситуациях применяются компенсационные механизмы, основанные на оценке стоимости переданного. Отдельные нормы, регулирующие эти отношения, пересекаются с положениями о неосновательном обогащении и причинении вреда, что требует точной квалификации обстоятельств дела [2, с. 619–624].

Современное законодательство по-прежнему не содержит легального определения недействительной сделки, что создаёт дополнительные сложности в её нормативной интерпретации. В условиях отсутствия единого подхода к понятийному аппарату, суды и правоприменители вынуждены опираться на разрозненные положения законодательства, судебную практику и доктринальные выводы. Это повышает риск разнотолкований и ставит под сомнение предсказуемость правовой системы. На фоне активного участия в обороте лиц с низкой правовой грамотностью подобная неопределённость становится значительным дестабилизирующим фактором [1, с. 65–68].

Всё вышеперечисленное указывает на необходимость совершенствования

правовой конструкции института недействительности сделок. Требуется не только легализация ключевых дефиниций, но и выработка единых подходов к оценке критериев волеизъявления, добросовестности сторон, механизма последствий. Кроме того, следует рассмотреть вопрос о дифференциации последствий недействительности в зависимости от характера нарушений, степени вины и степени угрозы публичному интересу.

Исследование института недействительности сделки подтверждает его системообразующее значение в структуре гражданско-правового регулирования. Юридическая квалификация сделки как ничтожной либо оспоримой имеет прямое воздействие на круг допустимых средств правовой защиты и последствия, наступающие для сторон и третьих лиц. Отсутствие легального определения недействительной сделки и недостаточная нормативная конкретизация отдельных оснований недействительности создают риски неоднозначного толкования и применения закона.

Установлено, что ничтожные сделки подлежат правовой нейтрализации с момента совершения без необходимости судебного подтверждения, тогда как оспоримые требуют иска и судебного решения, что порождает различия в правовом статусе участников сделки до её аннулирования. Правоприменительная практика свидетельствует о значительных трудностях в доказывании субъективных обстоятельств, особенно при оспаривании на основаниях обмана, заблуждения, насилия или кабальности, а также в ситуациях посмертной экспертизы.

Особого внимания требует механизм реституции, который в российской модели приобретает не только восстановительный, но и превентивный характер. Эффективность применения последствий недействительности напрямую зависит от полноты фактической картины и добросовестности сторон. Практика демонстрирует необходимость гибкого подхода с учётом характера нарушений и их влияния на публичные интересы.

Результаты исследования указывают на наличие следующих конкретных пробелов в действующем правовом регулировании. Во-первых, в ГК РФ

отсутствует нормативно закреплённое определение «недействительная сделка», что затрудняет единообразное применение этого института и порождает разнообразные подходы в судебной практике. Во-вторых, действующее законодательство не содержит чётких критериев разграничения между ничтожными и оспоримыми сделками — это приводит к правовой неопределённости и сложности при квалификации сделок в условиях спора. В-третьих, не урегулированы стандарты доказывания субъективных элементов недействительности, таких как заблуждение, принуждение или кабальность: отсутствует единый подход к оценке доказательств, включая требования к проведению экспертиз. В-четвёртых, остаётся недостаточно разработанным механизм применения последствий недействительности, особенно в части исключений из реституции и порядка распределения имущественных последствий между сторонами и третьими лицами. Устранение указанных недостатков через нормативное уточнение понятий, критериев и процедур позволит сократить количество необоснованных исков, снизить уровень судебных ошибок и повысить правовую предсказуемость в гражданском обороте.

Список использованной литературы:

1. Амирханян А. К. Актуальные проблемы недействительности сделок в Российском законодательстве // Тринадцатая годовичная научная конференция: Сборник научных статей, Ереван, 03–07 декабря 2018 года. Том Часть II. – Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2019. – С. 65-69.
2. Барташевич Б. В. Недействительные сделки и признание сделок недействительными / Б. В. Барташевич, А. Е. Ладыка // E-Scio. – 2019. – № 6(33). – С. 619-624.
3. Курилец Ю. А. Недействительность сделок в России // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития, Краснодар, 17 апреля 2018 года / АНО «НИИ АПСР». – Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2018. – С. 76-78.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2024 № 305-ЭС24-993 по делу № А40-190148/2021 — URL: <https://clck.ru/3MT2eo> (дата обращения: 01.06.2025).

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2024 г. № 305-ЭС23-12650(2) по делу № А40-206177/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (доступ по подписке).

7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2024 № 306-ЭС24-6321 по делу № А49-842/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (доступ по подписке).

8. Сепста С. А. Недействительные сделки и их последствия: вопросы теории и правоприменитель. // Вестник науки. 2025. №1 (82). – С.385 -393.

9. Скворцова Т. А. Правовая сущность недействительных сделок / Т. А. Скворцова, А. В. Мускевич, П. М. Джаватханова // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 34-36.

10. Сордонова Ю. С. Недействительные сделки: оспоримые и ничтожные // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: Материалы XIII Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 29–31 мая 2019 года / под ред. И.А. Шаралдаевой. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2019. – С. 55-58.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Судебная статистика Российской Федерации. Арбитражные споры: признание сделок недействительными // stat.апи-пресс.рф. [сайт] - URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/arb/t/42/s/1> (дата обращения: 31.05.2025).